

DOI: 10.31857/S013038640021366-0

© 2023 г. Б.В. ДОЛГОВ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ конца 2010-х — начала 2020-х годов

Долгов Борис Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: dolgov.boris@list.ru

Scopus Author ID: 57208524408; ORCID: 0000-0001-6541-58624

Аннотация. В статье анализируется разнонаправленное развитие гражданского общества в 2000—2020-х годах в важнейших арабских странах Большого Ближнего Востока — Египте, Тунисе и Сирии. Основное внимание в исследовании концентрируется на выявлении специфических черт гражданской активности на примере деятельности различных исламских и исламистских организаций. Научный инструментарий, исходя из специфики поставленной задачи, включает совокупность методов, заимствованных из разных отраслей наук — истории, социологии, исламоведения и политологии, а источниковая база — обширный пласт материалов по гражданской активности в разных странах региона, а также интервью автора с политиками и общественными деятелями Египта, Туниса и Сирии. В статье выявляются и анализируются факторы, обусловившие активизацию гражданского общества и разнонаправленное развитие его субъектов в странах ближневосточного региона в период «арабской весны» и в ставших ее продолжением протестных выступлениях 2018—2020-х годов. Трансформации гражданского общества на арабском Ближнем Востоке (Египте, Тунисе и Сирии) рассматриваются в тесной взаимосвязи с новыми общественно-политическими явлениями в странах Запада на рубеже 2010-х и 2020-х годов и феноменом возрастающей общественно-политической субъектности мусульманских диаспор в Европе. В статье постулируется гипотеза о выдвижении стран-лидеров, оказывающих значительное влияние на исламистские субъекты гражданского общества на Ближнем Востоке, через воздействие которых «исламский проект» укрепляется в роли фактора, структурирующего гражданскую активность в ключевых арабских странах Ближнего Востока.

Ключевые слова: гражданское общество, Ближний Восток, Египет, Сирия, Тунис, протестные выступления, «арабская весна», общественные движения, диаспоры.

B.V. Dolgov

Civil Society in the Middle East During the Arab Spring and Socio-Political Transformations of the Late 2010s and Early 2020s

Boris Dolgov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dolgov.boris@list.ru

Scopus Author ID: 57208524408; ORCID: 0000-0001-6541-58624

Abstract. The paper analyses the development of civil society in the key Arab countries of the Greater Middle East — Egypt, Tunisia and Syria — through the 2000s and early 2020s. The research

mainly focuses on identifying specific features of civic activity developing by various Islamic and Islamist organizations. Methodologically the paper utilizes a set of methods borrowed from history, sociology, Islamic studies and political science. The source base of the research includes a wide range of primary materials on the civic activity in various countries of the region and the author's interviews conducted with politicians and public figures in Egypt, Tunisia and Syria. The author identifies and analyses the key factors that led to civil society activism and the multidirectional development of civil society organisations and activism in countries in the Middle East region during the "Arab Spring" and social protests of the late 2010s and early 2020s. He carefully examines the transformation of civil society in the Arab Middle East in close relation to new socio-political developments in the West in the 2010s and 2020s and the phenomenon of growing social and political subjectivity exhibited by Muslim diasporas in Europe. The article postulates the hypothesis of the emergence of leader countries with significant influence on Islamist civil society actors in the Middle East through whose influence the "Islamic project" is reinforced as a factor structuring civic engagement in key Arab states in the Middle East.

Keywords: civil society, Middle East, Egypt, Syria, Tunisia, protests, "Arab Spring", social movements, diasporas.

Период 2000-х и 2010-х годов во многом является переломным. Он характеризуется происходящими глобальными социально-политическими трансформациями, обусловленными в первую очередь тем, что мир оказался сложнее, чем представлялось после окончания холодной войны. Концепции «конца истории», «однополярного мира» и полной победы «либерально-демократической модели развития», выдвинутые тогда, оказались не соответствующими возникавшим новым реалиям. Они проявляются в изменении баланса сил на мировой арене, возникновении новых конфликтов в геополитике, кризисных явлениях в социально-экономической сфере и в институтах демократии и в роли гражданского общества как на Западе, так и в арабо-мусульманском мире, испытывающих существенное влияние Запада¹. Зрелое гражданское общество как объединение граждан, не приближенных к рычагам государственной власти, и совокупность добровольных, автономных и саморегулирующихся организаций самого разного толка (ассоциаций, фондов, профсоюзов, религиозных групп, социальных движений²) являются, согласно либеральной теории, одним из главных факторов формирования подлинной демократии, поскольку гражданский активизм противостоит недемократическим порядкам³ и служит мобилизации общества на борьбу с авторитарными тенденциями⁴. Либеральная модель гражданского общества отводит ему ключевую роль в сдерживании потенциальных злоупотреблений, обеспечении подотчетности власти и налаживании обратной связи между государством и обществом⁵ через воспитание культуры политического участия и обеспечение демократического плюрализма⁶.

¹ О концептуальных противоречиях либеральной и критической модели гражданского общества в исследовании этого феномена на Ближнем и Среднем Востоке см.: *Shlykov P.* Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162. В статье используется расширенная трактовка региона Ближнего Востока как пространства от Северной Африки до Турции и Ирана, а также расположенных к югу от них арабских стран, что в традиции англоязычной научной литературы часто обозначается аббревиатурой MENA (Middle East and North Africa).

² *Diamond L.* Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. Iss. 3. P. 4–17.

³ *Foley M.W., Edwards B.* The Paradox of Civil Society // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. Iss. 3. P. 38–52; *Civil society and government* / eds N.L. Rosenblum, R.C. Post. Princeton, 2002.

⁴ *Toepler S., Salamon L.M.* NGO development in Central and Eastern Europe: An empirical overview // *East European Quarterly*. 2003. Vol. 37. Iss. 3. P. 365–378; *Civil society and democracy in Latin America* / eds R. Feinberg, C.H. Waisman, L. Zamosc. New York, 2006. P. 45–51.

⁵ *Linz J.J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe. Baltimore, 1996. P. 7–15.

⁶ *Putnam R.D.* Making democracy work: civic traditions in modern Italy. Princeton, 1993. P. 116–119.

Понимание неправительственных организаций и в целом гражданского общества как ключевых элементов в процессах либерализации и укрепления демократии имеет длительную историю существования, об этом писал еще Алексис де Токвиль⁷. Классики современной политической науки Габриэль Алмонд и Сидней Верба также поддерживали идею прямой связи развития культуры гражданственности с расширением ареала либеральной демократии⁸. С доказательством этой закономерности выступал и Роберт Патнэм в своей книге «Чтобы демократия сработала»⁹. В то же время демократия в соответствии с концепцией Алексиса Токвиля — это не только определенная форма организации общества, но и соответствующий процесс, происходящий в нем. Йозеф Шумпетер и Уолт Уитмен Ростоу дополнили концепцию Токвиля, подчеркнув, что черты развитой демократии наполняются реальным содержанием только в условиях сложившегося гражданского общества. А именно при активном и осознанном участии в общественно-политической жизни своеобразной «критической массы» граждан, обладающих определенным уровнем интеллектуально-духовного развития, гражданским самосознанием, образованием, соответствующим менталитетом и политической культурой, а также достаточной материальной обеспеченностью. Если таких условий в обществе нет, то при формальном наличии всех государственно-демократических институтов такой режим может оставаться авторитарным с элементами «управляемой» или «квазидемократии», что в известной мере имеет место в ряде стран как на Большом Ближнем Востоке¹⁰, так и в других регионах. Тем не менее гражданского общества, полностью отвечающего данным критериям, вероятно, нет ни в одной стране мира, так как нет нигде идеального социума и той «критической массы» граждан, которая способствовала бы формированию соответствующего всем необходимым условиям гражданского общества.

Глобальные социально-политические трансформации постбиполярного мира проявили себя прежде всего в кризисных социально-экономических и политических явлениях как в Западном мире, так и в других регионах, в том числе в ближневосточном.

Что касается стран арабо-мусульманского мира, то в последние десятилетия в них сформировались демократически ориентированные элементы гражданского общества. Свидетельством этому стали такие явления, как протестные выступления «арабской весны» 2010–2013 гг. и их продолжения в 2018–2020-х годах, которые можно рассматривать как проявление активности гражданских обществ в арабских странах. Отличительной чертой «арабской весны» являлось то, что на начальном этапе ее движущей силой выступали не политические партии, а диссидентски настроенная молодежь, выступившая наиболее активной частью гражданского общества. Ее представители были блогерами и журналистами, активными пользователями Интернета и социальных сетей, призывавшими на манифестации тысячи своих сверстников-сторонников. В Тунисе таким был Слим Амаму, работавший с веб-системами в компании Alixus и имевший возможность обращаться к 20 тысячам пользователей Интернета. В постреволюционном Тунисе он стал министром по делам молодежи и спорта. В Египте — это Ваэль Гуним, сотрудник компании Google, создавший свой сайт «Мы все Халиды Саиды» в память египетского молодежного лидера, блоггера, забитого насмерть полицейскими в Александрии¹¹. Протестные манифестации «арабской весны» в итоге привели к крушению правивших десятилетиями режимов в ряде арабских стран, подъему движений политического ислама и

⁷ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 2000. С. 143–316; Woldring H.E.S. State and Civil Society in the Political Philosophy of Alexis de Tocqueville // Voluntas: International Journal of Voluntary and Non-profit Organizations. 1998. Vol. 9. Iss. 4. P. 363–373.

⁸ Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton (N.J.), 1963.

⁹ Putnam R.D. Op. cit.

¹⁰ Shlykov P. Non-western model...

¹¹ Долгов Б.В. Арабо-мусульманское сообщество во Франции: исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы). М., 2017. С. 8.

возникновению новых конфликтов. Результатом продолжения вызванных «арабской весной» процессов, затронувших в разной степени практически все арабские страны в 2018–2020-х годах, стала смена правительств в Алжире, Судане, Ливане, Ираке, Тунисе, происходившие также на фоне социальных протестов. Важным событием в арабо-мусульманском мире стал уход возглавляемых США сил Международной коалиции из Афганистана в 2021 г. и приход к власти исламистского движения Талибан, с которым данная коалиция безуспешно боролась в течение 20 лет.

Гражданское общество в ключевых арабских странах Большого Ближнего Востока — Египте, Тунисе и Сирии, равно как и в других мусульманских странах, — это различные общественные организации, в том числе исламской направленности. Причем во всех подобных организациях, как и в обществе в целом, исламский фактор играет важную роль, так как для большинства граждан мусульманских стран ислам — это не только религия, а образ жизни, что, естественно, влияет и на общественно-политическую практику. Исламский фактор выступает главным двигателем развития гражданского общества в мусульманских странах. События «арабской весны» представляли собой наиболее яркое проявление активности гражданского общества, прежде всего в Тунисе, Египте (также на Бахрейне). В Сирии (как и в Ливии) важным фактором возникновения гражданского конфликта стала активная поддержка исламистских сил внешними акторами. Если на первом этапе «арабской весны» многие демократически ориентированные организации гражданского общества выступали с общедемократическими лозунгами, то впоследствии инициатива перешла к исламистским силам, как умеренным, так и радикальным, которые усилили свое влияние на общественные настроения и общественно-политический процесс в целом. Соответственно, произошла и некая трансформация в гражданских обществах, в которых также усиливалось влияние «исламского проекта».

В Сирии в 2000-е годы новое сирийское руководство во главе с Башаром Асадом, избранным президентом в 2000 г. после смерти его отца Хафеза Асада, стремилось решать назревшие в обществе проблемы. Это касалось прежде всего мер по демократизации экономической и общественно-политической жизни, получивших название «сирийская весна».

По инициативе президента Б. Асада была провозглашена политика «открытости и гласности», направленная на демократизацию политической жизни. Был предпринят также ряд мер по развитию рыночной экономики, которые способствовали расширению участия частного бизнеса в экономической и финансово-банковской сфере. В то же время очевидно, что стимулирование свободного рынка наряду с определенным положительным эффектом имело свои негативные результаты: рост безработицы в связи с сокращением рабочих мест в ходе приватизации предприятий и повышения их рентабельности, повышение цен и, как следствие, увеличение числа неимущих в процессе расслоения общества, что вело к усилению социальной напряженности. Все это в значительной степени имело место в Сирии. Тем не менее социально-экономическая ситуация в Сирии в 2010-х годах отличалась в лучшую сторону по сравнению со многими арабскими странами, затронутыми «арабской весной», и прежде всего с Тунисом и Египтом, где имел место социально-экономический кризис. Таким образом, можно констатировать, что сама по себе внутренняя ситуация в стране не могла вызвать в сирийском обществе масштабный внутренний конфликт и вооруженное противостояние. Так, по данным МВФ на 2010 г., ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в Сирии (GDP per capita) составлял 5260 долл.¹², что выше показателей многих арабских стран. При этом видные западные эксперты определяли сирийскую экономику до начала конфликта как наиболее динамично развивавшуюся в регионе «с ежегодным ростом ВВП 5–6%»¹³. Уровень

¹² Syria GDP // Trading economics. URL: <https://tradingeconomics.com/syria/gdp> (дата обращения: 29.01.2013).

¹³ Raimbaud M. Tempête sur le Grand Moyen-Orient. Paris, 2015. P. 359.

безработицы хотя и повысился с 8,4% в 2010 г. до 14% в 2011 г.¹⁴, тем не менее оставался ниже, чем в Тунисе и Египте. В то же время в Сирии было достаточно развито профсоюзное движение как реальный элемент гражданского общества и, соответственно, действовала социальная защищенность широких слоев населения. Профсоюзные комитеты функционировали (и продолжают функционировать в условиях военных действий) практически на всех предприятиях государственного и частного сектора, в том числе сельскохозяйственных, работники которых получают профсоюзную социальную защиту наряду с промышленными рабочими. Важной частью сирийского гражданского общества являлись творческие объединения сирийских театральных деятелей, кинематографистов, литераторов. При этом Союз сирийских писателей (точное его название — Союз арабских писателей) является известным и уважаемым объединением литераторов не только в Сирии, но и в других арабских странах. Как подтвердил председатель Союза сирийских писателей Нидаль ас-Салих в беседе с автором, «Союз имеет возможность, несмотря на военные действия и экономические трудности, при поддержке государства издавать свою газету и четыре журнала по различным направлениям — арабская, сирийская и мировая литература, современная политика, сирийское культурное наследие»¹⁵. Такое внимание и поддержка со стороны сирийских властей демонстрируют их понимание важной роли творческой интеллигенции в становлении гражданского общества и демократического развития социума в целом.

На волне демократизации в Сирии стали формироваться независимые общественно-политические организации, получившие название «форумы национального диалога», символизировавшие собой дальнейшее развитие сирийского гражданского общества. Всего в Сирии в 2000-х годах было создано более 20 форумов, в которых участвовали сотни представителей сирийской интеллигенции, в основном творческой и гуманитарной. Такие руководители форумов, как Рияд Турк и Рияд Сейф, стоявшие на либерально-демократических позициях, пытались превратить их в политические партии. Участники форумов писали петиции и воззвания к властям с требованием дальнейшей демократизации, как, например, известная «Петиция 99», которые публиковались, как правило, за пределами Сирии. Свои форумы создавали и общественно-политические деятели, исповедовавшие левые и социалистические идеи. Так, например, Халиль Матук, разделявший позиции сирийских коммунистов, сформировал «Форум культуры и прав человека». В свою очередь представители курдской общины стали заявлять о необходимости предоставления им больших прав. Ожилились также сирийские «Братья-мусульмане» (БМ)¹⁶, деятельность которых была запрещена после организации ими антиправительственных

¹⁴ Bulletin of labor force 2010 // Central Bureau of Statistics, 29.01.2013. URL: <https://www.cbssyr.org/> (дата обращения: 29.01.2013).

¹⁵ Беседа с Нидалем ас-Салихом. 19.11.2015, Дамаск (из архива автора).

¹⁶ Ассоциация «Братья-мусульмане» (БМ) была создана в Египте в 1928 г. шейхом Хасаном аль-Банни. БМ стали одной из наиболее влиятельных и массовых исламистских организаций арабо-мусульманского мира. Доктрина БМ, сформулированная ее основателем Хасаном аль-Банни, впоследствии была развита рядом других исламистских идеологов (Сейид Кутб, Мустафа ас-Сибай). Конечной целью деятельности БМ провозглашалось построение «справедливого исламского общества», основанного на принципах ислама. К достижению этой цели, согласно заявлениям БМ, ведет «исламский путь развития», противопоставляемый как капиталистическому, так и социалистическому. Ассоциация БМ прошла сложный путь развития от благотворительной и просветительской деятельности до активного участия в политической жизни с широким применением методов террора. В Сирии БМ стали активно действовать с 1960-х годов, вовлекая в свои ряды в основном через мечети и студенческую молодежь, и школьников старших классов. Система подготовки новых членов предусматривала изучение в первые два-три года трудов основателей движения Хасана аль-Банни и Сейида Кутба. После этого в специальных лагерях на северо-западе Сирии или за рубежом их обучали умению обращаться с оружием. БМ соблюдали строгую конспирацию. Каждый их член знал лишь тех лиц, кто входил в его ячейку («семью»), как правило, не превышавшую 3–5 человек (Ислам. М., 1983. С. 67; *Пир-Будагова Э.П.* История Сирии. XX век. М., 2015. С. 239).

выступлений в 1980-х годах и вооруженного мятежа в городе Хама. В 2002 г. БМ провели свой съезд в Лондоне и опубликовали воззвание, призывающее к политической борьбе в Сирии.

Наметившаяся тенденция на демократизацию общественно-политической жизни в Сирии давала возможность оппозиционным лидерам и другим представителям гражданского общества действовать более активно и предлагать решения назревших в обществе проблем. Вместе с тем в ряде независимых форумов и оппозиционных политических организаций началась острая критика правления президента Хафеза Асада, а также действующего режима, что негативно сказалось на возможности диалога оппозиции с властями. Так, Али Абдалла аль-Ахмед, представитель одной из оппозиционных групп, возглавлявшейся известным деятелем либеральной оппозиции Мишелем Кило, заявил в беседе с автором, что сирийская оппозиция упустила время, когда можно было политическим путем осуществить реформы по демократизации государственной системы. Оппозиционеры увлеклись жесткой критикой режима, в их среде возобладала внутренняя борьба, связанная с личными амбициями. В настоящее время «их никто не будет слушать, а судьба Сирии решается на поле боя»¹⁷.

Башар Асад в ответ на петиции оппозиции заявлял, что Сирия пойдет по пути поэтапных реформ и демократизации, но не будет выполнять требования отдельных лиц, не представляющих мнение большинства народа. Таким образом, «сирийская весна» 2000-х годов не получила развития, чему способствовала к тому же позиция представителей «старой гвардии» Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ). Руководство Сирии также правомерно опасалось, что ускоренное проведение радикальных реформ может привести к дестабилизации режима и распаду страны, что к тому времени продемонстрировали на своем опыте бывшие СССР, Чехословакия и Югославия. В дальнейшем поддержка сирийской исламистской оппозиции в основном такими внешними акторами, как США, Израиль, Турция и Катар¹⁸, стала главной причиной сирийского конфликта, продолжающегося до настоящего времени.

В Тунисе социальный протест, положивший начало «арабской весне», вылился в 2010–2011 гг. в массовые демонстрации и столкновения с полицией в ряде городов. В них в основном участвовала безработная молодежь, выступавшая с требованиями решения острых социально-экономических проблем, а также против коррумпированного репрессивного режима президента Бен Али, который французские исследователи характеризовали как «авторитарный синдром»¹⁹. Она, по сути, являлась главной движущей силой протестного движения и активной составляющей тунисского гражданского общества. Отличительной чертой этой категории безработных было то, что многие из них были дипломированными специалистами, но не имели возможности найти свою нишу в сложившейся экономической ситуации. Общее число безработных, среди которых преобладали лица моложе 35 лет, в самостоятельном населении Туниса к 2010 г. достигало 17%. В то же время среди дипломированных выпускников вузов безработные составляли до 30%, а по неофициальным данным — до 50%²⁰.

Что касается исламистского движения, то в протестных манифестациях в Тунисе в 2010–2011 гг. оно не являлось главной движущей силой. Тем не менее в этот период в Тунисе, как и в других арабских странах, в гражданском обществе усиливалось влияние исламистской идеологии. Причем это проявлялось в самых разных формах. Так, например, в появлявшихся на улицах Туниса девушках в хиджабе часть тунисских исследователей

¹⁷ Беседа с Али Абдаллой аль-Ахмедом. 20.11.2015. Дамаск (из архива автора).

¹⁸ *Пир-Будагова Э.П.* Указ. соч. С. 6.

¹⁹ *Cataui M., Geiser V.* Le Syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba à Ben Ali. Paris, 2003. P. 24

²⁰ *Аль-Хасан Аши.* Хабир иктисадый фи марказ карниги ли-ш-шарк аль-авсат фи бейрут. Ат-Тах-лиль аль-иктисадый ли-ль-битала фи тунис (Эксперт по экономике Центра Карнеги для Ближнего Востока в Бейруте. Экономический анализ безработицы в Тунисе) // Сахифат аль-хаят. 27.XII.2010.

видела «облачка, предвещающие грозу». Это явление само по себе не означало подъема исламизма, и тем не менее политолог Калифа Шатер назвал его в беседе с автором этих строк «спящим исламизмом, который может в какой-то момент проснуться»²¹.

После свержения в 2011 г. в ходе протестных манифестаций «арабской весны» в Тунисе режима президента Бен Али, в результате первых действительно свободных парламентских выборов правящей стала исламистская партия «Нахда», получив 40,1% голосов избирателей²² и завоевавшая, таким образом, наибольшее число депутатских мест — 90 (из общего числа 217). Премьер-министром стал представитель «Нахды» Хамади Джебали.

Поддержка значительной частью населения партии «Нахда» объяснялась во многом тем, что она предлагала путь развития, основанный на исповедуемых большинством населения традиционных исламских ценностях и, как считали голосовавшие за нее, альтернативный тому, что реализовывал обанкротившийся коррумпированный режим Бен Али. Немаловажным фактором победы «Нахды» стала развернутая ею широкая пропагандистская кампания, направленная на все слои населения Туниса, создание своих организаций в качестве ячеек достаточно слабо развитого на тот период гражданского общества, умелое использование современных технологий и методов политической борьбы, а также значительные финансовые возможности «Нахды», которую активно поддерживали Турция и Катар. Наряду с этим голосование за исламистов части населения было обусловлено также тем, что в них видели силу, реально борющуюся с диктаторским режимом, и своеобразных мучеников, пострадавших от его репрессий. Так, тунисский писатель и общественно-политический деятель, член политического блока «Народный фронт» Абдалла Ахмед подтверждал в беседе с автором, что многие тунисцы голосовали за кандидатов «Нахды» «не потому, что разделяли их идеологию “политического ислама”, а потому, что видели в них подлинных борцов с коррумпированным диктаторским режимом Бен Али»²³.

Тем не менее исламизация общественно-политической жизни Туниса, которую стало проводить руководство «Нахды», его неспособность решить острые социально-экономические проблемы и имевшие место акты политического терроризма со стороны радикальных исламистов вызвали массовые антиисламистские манифестации. В результате возникшего политического кризиса в 2013 г. представители «Нахды» вынуждены были отказаться от власти, а новым президентом Туниса был избран лидер демократически ориентированной партии «Призыв Туниса» Беджи Каид ас-Себси.

В Египте, где сформировалось и пользовалось значительным влиянием движение БМ, его руководство большое внимание уделяло созданию горизонтальной сети, включавшей в себя политические структуры, благотворительные организации, мечети, различные объединения по профессиям, возрасту, интересам. Таким образом, БМ пытались создать некую модель «исламского государства» на уровне гражданского общества. В организации БМ сочетались принципы построения суфийских орденов и современной политической партии. Основатель БМ Хасан аль-Банна характеризовал свое движение как «основанное на салафизме, суфизме, суннитском пути и социальной идее под лозунгом: Аллах — наш идеал, Пророк — наш вождь, Коран — наша конституция»²⁴. Данный лозунг в период «арабской весны» после краха в Египте в 2011 г. режима президента Мубарака почти дословно повторил ставленник БМ Мухаммед Мурси перед президентскими выборами в июне 2012 г. На них он стал президентом Египта в результате действительно свободного волеизъявления граждан. После своей победы на выборах Мурси отказался от членства в организации БМ и объявил себя «президентом всех египтян». Однако исламизация

²¹ Беседа с проф. Калифой Шатером. Тунис. 20 октября 2009 г. (из архива автора).

²² На парламентских выборах в Тунисе победили исламисты // BBC News, 27.10.2011. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2011/10/111027_tunisia_elections_results (дата обращения: 28.10.2011).

²³ Беседа с г-ном Абдаллой Ахмедом. 30.10.2015, Тунис (из архива автора).

²⁴ Hasan Al-Banna (1906–1949) // Islam Times, 28.04.2009. URL: <https://www.islamtimes.org/en/article/3884/hasan-al-banna-1906-1949> (дата обращения: 30.04.2009).

египетской общественно-политической жизни, предпринятая руководством Мурси, наряду с обострением социально-экономических проблем и осложнением ситуации с общественной безопасностью, провоцировала обеспокоенность и протест значительной части населения. Наряду с этим острую полемику и противостояние в гражданском обществе вызвал проект новой конституции, в частности статьи о положении женщин и указание на Аль-Азхар (наиболее известный в исламском мире мусульманский университет) как на «главный источник законодательной базы». Результатом усиливавшихся протестов явилось отстранение в 2013 г. Мурси от власти армией, действия которой, за исключением БМ, поддержали все политические партии, муфтий Египта и коптский патриарх. Президентом Египта в мае 2014 г. стал бывший министр обороны Абдель Фаттах ас-Сиси. В соответствии с новой Конституцией, принятой в 2014 г., БМ были объявлены террористической организацией, а их деятельность запрещена. Тем не менее радикальные группировки БМ продолжали террористические акции и нападения на государственные структуры, в частности в районе Синайского полуострова, где египетская армия проводила против БМ контртеррористическую операцию.

Основными причинами массовых протестов в арабских странах как в период «арабской весны», так и на рубеже 2010–2020-х годов, наряду с исторически обусловленными особенностями для каждой страны и внешними факторами, являлись внутренние кризисные явления. В наибольшей степени арабский кризис проявлялся в деградации экономической и социальной сфер, а именно: ростом безработицы, особенно среди молодежи, и, соответственно, отсутствием у большей ее части жизненных перспектив и возможностей создания семьи, снижением уровня и качества жизни значительной части населения²⁵ на фоне растущего расслоения общества. Важным фактором нарастания протестных настроений являлась коррупция и nepотизм десятки лет стоявших у власти правящих элит и приближенных к ним кланов, владевших большей частью производимого национального продукта, всевластие и произвол полицейского аппарата и отсутствие реальных демократических свобод при формальном их провозглашении. Значительную роль в возникновении протестных движений играл также демографический фактор, так как в большинстве арабских стран молодежь в возрасте до 30 лет составляет до 50% населения. Именно молодые безработные, зачастую получившие высшее образование, но не имевшие возможности найти работу, составляли основу движущих сил протестных движений, в частности, в Тунисе и в Египте. Исламистские лидеры достаточно умело использовали социально-экономический кризис для распространения своих идеологических доктрин. Так, лидер алжирского Исламского фронта спасения Аббаси Мадани утверждал, что «либерализм способствовал формированию общества, где проповедуется эгоизм и неограниченная свобода. В таких условиях человек может предаться самым низменным страстям, присущим его животной природе и инстинктам. Тем самым общество, в котором он существует, обрекается на деградацию и смуту». На основании этого делался вывод о необходимости и неизбежности выработки «исламской альтернативы». Исламистские идеологи заявляли, что они «выполняют священную миссию и волю Аллаха, и построенное ими исламское государство будет подлинным результатом исторического развития, а не воспроизведением какой-либо импортированной модели общества»²⁶. В свою очередь алжирский писатель, журналист и политолог Мухаммед Шафик Месбах, работавший в Центре политических исследований при администрации президента Алжира, утверждал, что «радикальный исламизм исчезнет, если демократическая государственная система сумеет разрешить социально-экономические проблемы»²⁷.

²⁵ Посол Египта в РФ на своей пресс-конференции в информационном агентстве «Россия сегодня» в июле 2013 г. подтвердил, что до 40% населения Египта жило на доход, составлявший менее 2 долл. в день, и существовало только благодаря субсидиям государства на продовольственные товары.

²⁶ Мадани А. АзMAT аль-фикр аль-хадис ва мубаррират аль-халль аль-ислами. Алжир, 1989. С. 12.

²⁷ Mesbah M.C. Problématique Algérie. Le Soir d'Algérie, Alger, 2009. P. 284.

В то же время кризисные явления в арабском мире в известной мере можно рассматривать как следствие или часть глобального кризиса, который затронул в том числе и наиболее экономически развитые страны Запада. Социально-экономические проблемы в XXI в. обострились в ведущих странах Запада, что вело к размыванию среднего класса и, соответственно, провоцировало усиление социальной напряженности. Вместе с тем в США наблюдались элементы размежевания и в определенной степени противостояния различных слоев общества как по политико-идеологическому, так и по расовому признаку. Наиболее ярким примером такого рода явлений стала президентская кампания в США в 2020 г., характеризовавшаяся небывалыми в истории Америки протестными манифестациями. Их апофеозом явился штурм Капитолия сторонниками президента Д. Трампа, во время которого погибло несколько его участников, а также подъем движения «Жизни черных имеют значение» (Black Lives Matter), также приведший к жертвам. В результате были задержаны и привлечены к судебной ответственности более тысячи участников протестов, расследованию которых Конгресс США посвятил специальные слушания. Президент Д. Трамп оказался фактически отстранен от власти в ходе беспрецедентной кампании, организованной против него со стороны ведущих американских массмедиа, и открытого давления на сторонников Д. Трампа. Президентом был избран Д. Байден, и тем не менее Д. Трамп, чей рейтинг среди американцев остается достаточно высоким, продолжает оспаривать данные результаты, что свидетельствует об определенном расколе в американском гражданском обществе.

Протестные движения, обусловленные социально-экономическими проблемами, имели место в Западной Европе. Наиболее массовым и длительным из них стало поддержанное в других европейских странах движение «желтых жилетов» во Франции, в ходе которого также имелись убитые и раненые. В Европе кризисные явления, провоцирующие рост безработицы, возникновение слоя «новых бедных», усугубленные коронавирусом, обострились из-за роста влияния радикального исламизма в мусульманской иммигрантской среде и непрекращающихся террористических актов. Это провоцировало определенную дестабилизацию и изменение настроений в гражданском обществе, на которые все большее влияние оказывали партии популистского и националистического толка.

Что касается социально-экономических проблем на Западе, то они обусловлены как периодическими мировыми финансово-экономическими кризисами, так и таким явлением, как деиндустриализация. Речь идет о выводе индустриальных производств из стран ЕС и США в регионы, где рабочая сила дешевле и, соответственно, прибыли национальных и транснациональных корпораций выше. Ярким примером такой тенденции стало объявление дефолта столицей американской автомобильной промышленности Детройтом, из которого производственные мощности были выведены за пределы США, что привело к значительному сокращению городского бюджета, и городские власти не имели возможности содержать в надлежащем состоянии городскую инфраструктуру. Аналогичные явления происходили в странах ЕС. Так, например, во Франции знаменитый «красный пояс» Парижа, т.е. индустриальные пригороды, где находились промышленные предприятия и проживали рабочие с семьями, прекратил существование. Данные предприятия переведены за пределы Франции, их работники разъехались, а их место заняли многочисленные мигранты и их последующие поколения, что также привело к определенной деградации как коммунальной инфраструктуры, так и районов в целом. Автор наблюдал такое явление в районе Парижа, где находился завод по производству автомобилей «Ситроен». В 2014 г. на его месте был разбит обширный парк, что само по себе позитивно. Тем не менее 50 тыс. бывших рабочих завода пополнили армию французских безработных.

В настоящее время значительную часть ВВП стран Запада создает финансово-банковский сектор и сфера услуг. В этой связи необходимо уточнить, что деиндустриализация в меньшей степени затронула предприятия военно-промышленного комплекса (ВПК) и сектора высоких технологий. При этом лоббисты ВПК в правительственных структурах

Запада продвигают принятие таких решений, в частности во внешней политике, которые ведут к нагнетанию конфликтности в мире, следствием чего имеет место наращивание вооружений и, соответственно, рост прибылей ВПК. Этим в значительной степени объяснялись антироссийские санкции и пропагандистская кампания, развязанная на Западе, начиная с 2014 г. в связи с воссоединением Крыма с Россией, так называемым «делом Скрипалей», конфликтами в Сирии, Ливии и в особенности на Украине. Важно отметить, что к звучавшим на Западе заявлениям о «русской угрозе» тем не менее не присоединилась ни одна арабская страна.

В то же время вышеуказанные отрасли европейской экономики, особенно в связи с развитием новейших технологий и роботизации производства, оказались неспособными создать достаточное количество рабочих мест с тем, чтобы в какой-то степени снизить уровень безработицы. Данная проблема в рамках существующей общественно-экономической модели остается нерешаемой и, соответственно, перманентно может провоцировать социальную напряженность.

Важным фактором становится присутствие в Европе значительных и постоянно растущих численно иммигрантских мусульманских сообществ. Причем, с одной стороны, они продолжают оставаться частью арабо-мусульманского мира и, следовательно, его гражданского общества. С другой стороны, часть европейских мусульманских сообществ представляют собой достаточно активный элемент европейского гражданского общества. При этом усиливается их активность в экономической и социально-политической, а также в культурно-религиозной сферах. Все более значительную роль в ней играет ислам в условиях определенного ослабления традиционной христианской религии. В особенности данные процессы проявляют себя во Франции, где существует самое многочисленное в ЕС арабо-мусульманское сообщество, составляющее более 10% населения Франции. При этом мусульманская община со всеми присущими ей противоречиями и проблемами стала интегральной частью французского социума, и, соответственно, ислам превратился в неотъемлемый элемент его сознания и культуры²⁸. Причем это касается и достаточно радикально настроенной части французских мусульман. Так, в городе Рубэ на северо-востоке Франции в мечети при местной мусульманской общине, исповедующей салафизм, ее имам в интервью французскому телеканалу высказался положительно по поводу возможности «принятия во Франции законов шариата и предусмотренных им телесных наказаний, когда мусульмане во Франции станут большинством населения»²⁹. Естественно, это вызвало резкие протесты во французских СМИ и в обществе в целом. Негативные настроения усилились после целой серии террористических актов во Франции в 2015–2022 гг., в результате которых пострадали сотни французских граждан. При этом необходимо отметить, что все организации французского мусульманского сообщества решительно осудили данные террористические акты, после которых французские власти предприняли ряд мер по усилению общественной безопасности. В то же время были организованы дискуссии о месте и роли ислама во Франции, в которых приняли участие представители научного востоковедного сообщества, общественно-политических, религиозных организаций как мусульманских, христианских, так и других конфессий.

В поддержку республиканских ценностей высказывалось немало общественно-политических организаций, выступавших против попыток «исламизации Франции». В свою очередь в мае 2021 г. более 200 отставных офицеров французской армии и бывших руководителей французских силовых структур направили открытое письмо президенту Э. Макрону. В нем они подвергли критике неспособность властей эффективно бороться с радикальным исламом. В их поддержку выступила часть действующих военных, также написавших письмо президенту Франции, в котором говорилось о «бандах преступников

²⁸ Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М., 2017. С. 154.

²⁹ *Kepele J. Passion française. Paris, 2014. P. 149.*

и исламистов, орудующих на окраинах французских городов, провоцирующих угрозу гражданской войны»³⁰. Данные процессы имели тенденцию к продолжению, что обусловило усиление исламофобии как реакции части французских граждан на их проявление. Это в свою очередь привело к определенному размежеванию во французском гражданском обществе. В этой связи необходимо отметить, что многие представители арабо-мусульманских диаспор в странах Запада, в том числе исповедующие исламистские идеи, являются частью западного гражданского общества. В то же время они представляют часть гражданского общества стран, откуда они или их предыдущие поколения прибыли (например, во Франции член парламента — тунисец, имеющий французское гражданство, одновременно является активным членом исламистской партии «Нахда» в Тунисе). Поэтому все социально-экономические процессы, происходящие в странах Запада, где существуют влиятельные и многочисленные арабо-мусульманские диаспоры, соответственно, оказывают существенное воздействие на развитие гражданского общества в странах Ближнего Востока.

Кризисные явления в странах Запада оказывают влияние на их социумы и, естественно, на общества в других регионах мира. Западная общественно-экономическая модель, несмотря на продолжающееся относительное лидерство по уровню жизни и в научно-технологическом плане, теряет тем не менее привлекательность как идеал гражданского общества и демократии, которым он позиционировал себя на протяжении десятков лет. В странах, воспринимавших Запад как такой идеал, происходит его переоценка и, как следствие, трансформация общественного сознания и модели гражданского общества, для которых все больший вес приобретают традиционные национально-культурные ценности.

К началу 2020-х годов в арабских странах, наряду с подавлением радикальных исламистских сил, наблюдается попытка движений политического ислама провозглашать в качестве модели развития мусульманских обществ основанный на религиозных канонах «исламский проект», в котором присутствует концепция «исламской демократии».

Так, в Тунисе руководство партии «Нахда», исповедовавшей исламистскую доктрину, близкую концепциям БМ, провозгласило в 2016 г. на своем X съезде радикальную трансформацию своей идеологии и переход к демократическим принципам. Лидер «Нахды» Рашид Ганнуши, видный деятель исламистского движения, заявил, что «политическому исламу нет больше оправдания в Тунисе и «Нахда» является политической, демократической и гражданской партией»³¹. Вместе с тем многие исследователи как в Тунисе, так и за рубежом восприняли эти заявления как тактический ход, обусловленный изменившейся внутренней и внешней политической ситуацией. Тем не менее часть известных западных экспертов, таких как Жак Хюнтзингер, считали, что «Нахда» «восприняла, в отличие от египетских “братьев-мусульман”, необходимость глубокой идеологической ревизии политического ислама так, как только в этом случае возможна совместимость ислама с демократией»³².

В то же время в Тунисе правительство президента Каиса Саида, избранного в 2019 г. после кончины его предшественника президента Беджи Каида ас-Себси, не смогло разрешить обострившиеся социально-экономические проблемы в стране. В свою очередь руководство «Нахды», провозгласившее отказ от радикальных исламистских концепций и приверженность идее «исламской демократии», в достаточной мере усилило свое влияние в части тунисского гражданского общества. Свидетельством этому стало получение

³⁰ Euronews, 10.05.2021 // URL: <https://www.euronews.com/2021/05/10> (дата обращения: 11.05.2021).

³¹ Ribadeau L. Congrès d'Ennahda en Tunisie: la fin de l'islam politique? // France Info, 21.05.2016. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/tunisie/congres-dennahda-en-tunisie-la-fin-de-lislam-politique_3063449.html (дата обращения: 23.05.2016).

³² Huntzinger J. Les printemps arabes et le religieux. La secularisation de l'islam. Paris, 2014. P. 86.

представителями «Нахды» большинства депутатских мест в парламенте и избрание ее лидера Рашида Ганнуши в 2019 г. спикером парламента.

В июле 2021 г. в ответ на начавшиеся в Тунисе протестные выступления, участники которых обвиняли правительство и парламент в неспособности разрешить социально-экономический кризис, усугубленный пандемией коронавируса, президент Каис Саид, поддержанный силовыми структурами и армией, отправил в отставку премьер-министра, приостановил деятельность парламента и лишил его членов парламентской неприкосновенности. При этом Каис Саид фактически сосредоточил в своих руках все властные полномочия. Тем не менее он отмечал временный характер данных мер и подтверждал проведение «национального диалога» и политических реформ, в том числе внесения изменений в действующую с 2014 г. конституцию Туниса. В свою очередь лидер «Нахды» Рашид Ганнуши объявил решение президента «попыткой государственного переворота» и призвал своих сторонников выступить в поддержку «Нахды». Начавшиеся протестные манифестации, в которых участвовали тысячи тунисцев, сопровождались столкновениями сторонников и противников «Нахды».

После массовых протестов Каис Саид в конце сентября 2021 г. назначил главой нового правительства Наджлу Буден, занимавшую ранее пост генерального директора в тунисском министерстве высшего образования, и поручил ей сформировать новое правительство. Необходимо отметить, что, заняв пост главы правительства, Наджла Буден стала первой женщиной премьер-министром как в истории Туниса, так и в истории всех арабских стран. Тем не менее руководство «Нахды» заявило, что назначение премьер-министра декретом президента является нарушением действующей конституции, в соответствии с которой это назначение должно быть одобрено парламентом, и призвало Каиса Саида вернуться к «демократическому правлению» и проведению досрочных парламентских и президентских выборов.

Обострение политической ситуации в Тунисе в 2021 г. стало во многом следствием продолжающихся кризисных тенденций в социально-экономической сфере, усугубленных пандемией коронавируса: коррупции во властных структурах на фоне падения ВВП, усиливающейся инфляции, роста безработицы, официальный уровень которой достигает 18%³³, хотя в реальности он выше, особенно среди молодежи. Данные факторы спровоцировали снижение уровня жизни тунисских граждан, нарастание социальной напряженности и размежевание в тунисском гражданском обществе, где стало усиливаться влияние сторонников «исламской демократии». В такой обстановке возможность «Нахды» восстановить и укрепить свои позиции во власти вполне реализуема и во многом зависит от того, в какой степени тунисским властям удастся добиться результатов в борьбе с коррупцией и улучшении социально-экономической ситуации.

В то же время на Ближнем Востоке происходит процесс выдвижения новых стран-лидеров, претендующих не только на статус региональных центров силы, но и на свою активную роль в глобальной политике и идейно-политическом пространстве. Примером данного процесса является Турция, в которой с приходом к власти Партии справедливости и развития Р. Эрдогана в 2002 г. активизировался процесс десекуляризации государственных и общественных институтов и общественно-политической жизни³⁴. Во время «арабской весны» Турция активно включилась в поддержку движений политического ислама в ряде арабских стран и в других регионах³⁵, трансформируя его в своего рода государственный политический ислам и используя для продвижения своих интересов. В то же время турецкое руководство позиционирует себя в качестве лидера исламского

³³ Долгов Б.В. Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2020-е гг. М., 2022. С. 252.

³⁴ Shlykov P. The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context: What is behind? // *Politics and Religion Journal*. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–236.

³⁵ См.: Шлыков П. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // Перспективы. 17/12/2012. URL: https://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (дата обращения: 18.12.2012).

мира³⁶, что признают и многие известные деятели политического ислама. Так, упоминавшийся выше видный идеолог политического ислама Рашид Ганнуши, проводивший в 2010-е годы в Стамбуле переговоры с президентом Эрдоганом, заявлял, что «после разгрома диктаторами “арабской весны” именно Турция под руководством Эрдогана стала лидером исламского мира»³⁷.

Вместе с тем Турция активно проводит политику неоосманизма и воссоздания так называемого «Великого Турана», сформировав под своей эгидой Организацию тюркских государств и создавая военно-политическую структуру «Армия Турана». Причем представители протурецких политических сил в этих государствах делают заявления о том, что «ислам является последней надеждой человечества во тьме глобализма и либерализма»³⁸. При этом необходимо отметить, что значительная часть турецкого политического истеблишмента, как и гражданского общества, поддерживают как внутреннюю, так и внешнюю политику руководства Турции. Это обусловлено как вышеуказанной исламизацией общественно-политической жизни и созданием соответствующих политических и экономических структур, так и существующей у части турецкого общества ностальгии по периоду Османской империи.

В свою очередь Сирия после подавления в основном радикальных исламистских группировок и освобождения от них более 90% территории страны предлагает вариант развития, основанный на новой конституции, принятой в 2012 г. В ней уже отсутствует статья о руководящей роли ПАСВ, зато имеются все элементы демократического государственно-политического устройства (многопартийная система, всеобщие выборы руководящих органов, разделение исполнительной, законодательной и судебной власти и т.д.). Достаточным проявлением активности сирийского гражданского общества можно считать президентские выборы в Сирии 26 мая 2021 г., которые автор мог наблюдать, находясь в составе российской делегации. В ходе голосования свободный доступ на избирательные участки был открыт всем иностранным наблюдателям и представителям СМИ. Причем активность избирателей оказалась такова, что окончание время голосования продлили с ранее запланированного (7.00–19.00) до 24.00³⁹. Такая активность наблюдалась как в Дамаске, так и в провинциях-мухафазах Сирии. Многие избиратели приходили целыми семьями с множеством детей, царил радостная и оживленная обстановка. Результатом выборов стала убедительная победа действующего президента Башара Асада⁴⁰. За него проголосовали 95,1% избирателей, два других альтернативных кандидата получили соответственно 3,3% и 1,5% голосов. Явка составила 78%.

Большинство сирийского общества, несмотря на существующие проблемы и претензии, представляемые частью сирийцев правящему режиму, осознало на опыте 10 лет

³⁶ Во время встречи сирийской оппозиции с представителями неправительственных международных организаций в Стокгольме в апреле 2017 г. один из ее участников рассказывал автору этих строк, участвовавшему в данной встрече, что в среде сирийской исламистской оппозиции президента Эрдогана называют «Амир аль-мууминин» (Повелитель правоверных – титул халифа) (Стокгольм 12.04.2017 г. – из архива автора).

³⁷ Ганнуши: Запад – оппортунист, Турция – лидер Исламского мира // ГолосИслама.ру, 16/08/2016. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=30073> (дата обращения: 17.08.2016).

³⁸ Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, Армении и России. М., 2018. С. 298.

³⁹ Долгов Б.В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). М., 2021. С. 185.

⁴⁰ После объявления итогов голосования на улицы Дамаска и других сирийских городов вышли десятки тысяч сирийцев, в том числе женщин и детей, скандировавших приветственные лозунги в адрес Башара Асада, размахивавших сирийскими флагами и устроивших импровизированные танцы и концерты с национальными музыкальными инструментами, которые продолжались до утра. Примечательно, что как во время голосования, так и во время массовых приветственных демонстраций после оглашения его итогов практически не было зафиксировано никаких протестных выступлений оппозиции, провокаций или террористических актов (Дамаск, 27.05.2021 – из архива автора).

противостояния властей с вооруженной исламистской оппозицией, что возрождение Сирии может обеспечить проводимый сирийским руководством политический курс. Он предполагает демократическое развитие на основе социалистической ориентации с учетом национальной сирийской специфики, где ислам продолжает занимать весомое место и является государственной религией страны.

Свою шиитскую модель «исламского проекта» реализует Исламская республика Иран (ИРИ), демонстрирующая, несмотря на имеющиеся проблемы, многолетнее противостояние с США и налагаемые на ИРИ санкции, достаточно успешное социально-экономическое развитие. При этом ИРИ проводит активную внешнюю политику, став региональным центром силы и объединив под лозунгом противостояния «американо-израильской агрессивной политике и региональному терроризму» ряд таких стран, как Сирия, Ирак, Ливан, а также движение Хизбалла и часть палестинского национального движения в своеобразный альянс (так называемую «Ось сопротивления»). Наряду с этим соглашение по многоплановому сотрудничеству, заключенное в 2021 г. между Ираном и Китаем на 25 лет, способно в достаточной мере изменить ситуацию и баланс сил в регионе. В особенности если учесть, что соглашение предполагает в том числе военно-техническое сотрудничество и использование кораблями китайских ВМС иранских портов. Достаточно сложно говорить относительно иранского гражданского общества, и тем не менее необходимо отметить, что в нем, наряду с наличием оппозиционных сегментов, достаточно влиятельны силы, поддерживающие идеи иранской «исламской революции» и противостояние США и Израилю.

Движения политического ислама выдвигают свой исламский путь развития, противостоящий либеральной модели общества и государства. Вместе с тем анализ гражданского общества в ряде крупных стран Ближнего Востока – Сирии, Тунисе, Ливии – показывает разнонаправленные тенденции и сосуществования как сторонников, так и противников западной либеральной модели общественных отношений, что отчасти объясняется сохранением лидерства Запада по уровню жизни и в научно-технологическом плане. Однако при этом некоторые ценностные ориентиры западного общества («безграничная свобода», в том числе однополых браков) встречает категорическое неприятие мусульманскими обществами разных стран.

События «арабской весны» и протесты конца 2010-х годов выступили катализатором экспоненциального роста влияния исламских субъектов гражданского общества в разных странах Ближнего Востока. Подъем политического ислама, организации которого являются органичной и во многих случаях наиболее активной частью гражданского общества в арабо-мусульманском мире, обусловлен рядом факторов. Наряду с влиянием внешних акторов, к таковым относятся кризисные явления в арабо-мусульманском мире и в не малой степени общим кризисным состоянием современной западной общественно-экономической модели либеральной демократии. В свою очередь идеологи исламского проекта проповедуют альтернативный и более справедливый, согласно их риторике, миропорядок. В то же время в условиях перманентного обострения социально-экономических проблем в большей части арабо-мусульманского мира и в достаточной степени в странах Запада, что негативно влияет на состояние его гражданского общества, исламский проект, возможно, является более понятным и приемлемым для части мусульман. Тем более что действующая модель идеологии либерализма не демонстрирует успешного решения многих существующих социально-экономических и духовно-нравственных проблем.

Разнонаправленные тенденции в развитии гражданского общества в странах Ближнего Востока в 2010-е годы натолкнулись на важную глобальную тенденцию – процесс усиления роли государственных институтов и государства в целом, что с 2010-х годов отчетливо проявляется как в странах Большого Ближнего Востока, так и на Западе. Это во многом обусловлено борьбой с террористическими угрозами и коронавирусом, поскольку только государство с его общенациональными структурами способно противостоять данным серьезным опасностям, тем более если речь идет о пандемии глобального

масштаба. Это наглядно продемонстрировал опыт Китая, сумевшего быстрее всех других стран успешно справиться с этой проблемой. Скорее всего, процесс усиления роли государства в дальнейшем будет продолжаться, а возможно и усиливаться. Это обусловлено вероятностью возникновения новых пандемий, а также совершенствованием технологий цифровизации и искусственного интеллекта, что может привести к тотальному, хотя и не слишком афишируемому, контролю государства над частной жизнью граждан.

Описанная ситуация ставит вопросы перед гражданским обществом в целом и в арабо-мусульманском мире в частности, где в свою очередь исламский фактор будет и дальше играть значительную роль.

Библиография

- Барановский В.Г., Наумкин В.В. и др.* Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М., 2018.
- Долгов Б.В.* Арабо-мусульманское сообщество во Франции: исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы). М., 2017.
- Долгов Б.В.* Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2020-е гг. М., 2022.
- Долгов Б.В.* Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). М., 2021.
- Долгов Б.В.* Феномен «Арабской весны» 2011–2016: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М., 2017.
- Ислам. М., 1983.
- Мадани А.* Азмат аль-фикр аль-хадис ва мубаррират аль-халль аль-ислами (Кризис современной мысли и оправдание исламского решения). Алжир, 1989. (На араб. яз.)
- Надеин-Раевский В.А.* Пантюркизм: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, Армении и России. М., 2018.
- Пир-Будагова Э.П.* История Сирии. XX век. М., 2015.
- Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 2000.
- Шлыков П.* Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // Перспективы. 17.12.2012. URL: https://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (дата обращения: 18.12.2012).
- Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton (N.J.), 1963.
- Camau M., Geiser V.* Le Syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba à Ben Ali. Paris, 2003.
- Civil society and democracy in Latin America / eds R. Feinberg, C.H. Waisman, L. Zamosc. New York, 2006.
- Civil society and government / eds N.L. Rosenblum, R.C. Post. Princeton, 2002.
- Diamond L.* Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // Journal of Democracy, 1994. Vol. 5. Iss. 3. P. 4–17.
- Foley M.W., Edwards B.* The Paradox of Civil Society // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. Iss. 3. P. 38–52.
- Huntzinger J.* Les printemps arabes et le religieux. La secularisation de l'islam. Paris, 2014.
- Kepel J.* Passion française. Paris, 2014.
- Linz J.J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe. Baltimore, 1996.
- Mesbah M.C.* Problématique Algérie. Le Soir d'Algérie. Alger, 2009.
- Putnam R.D.* Making democracy work: civic traditions in modern Italy. Princeton, 1993.
- Raimbaud M.* Tempête sur le Grand Moyen-Orient. Paris, 2015.
- Shlykov P.* Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.
- Shlykov P.* The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context: What is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–236.
- Toepler S., Salamon L.M.* NGO development in Central and Eastern Europe: An empirical overview // East European Quarterly. 2003. Vol. 37. Iss. 3. P. 365–378.
- Woldring H.E.S.* State and Civil Society in the Political Philosophy of Alexis de Tocqueville // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1998. Vol. 9. Iss. 4. P. 363–373.

References

Baranovskii V.G., Naumkin V.V. et al. Blizhnii Vostok v menjajushhemsja global'nom kontekste [The Middle East in a changing global context]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Dolgov B.V. Arabo-musul'manskoye soobshchestvo vo Frantsii: islamskaya identifikatsiya i svetskaya demokratiya (1980–2016 gody) [The Arab-Muslim Community in France: Islamic Identity and Secular Democracy (1980–2016)]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Dolgov B.V. Fenomen “Arabskoy vesny” 2011–2016: prichiny, razvitiye, perspektivy. Tunis, Yegipet, Liviya, Siriya, Alzhir [The phenomenon of the “Arab spring” 2011–2016: causes, development, prospects. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Dolgov B.V. Islamistskoye dvizheniye v Alzhire i Tunise: 1970–2020-ye gg. [Islamist movement in Algeria and Tunisia in the 1970s–2020s]. Moskva, 2022. (In Russ.)

Dolgov B.V. Siriyskoye protivostoyaniye: vnutrenniye i vneshniye faktory (2011–2021 gg.) [Syrian confrontation: internal and external factors (2011–2021)]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Islam [Islam]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Nadein-Rayevskiy V.A. Pantyurkizm: ot Osmanskoy imperii do nashikh dney i sud'by Turtsii, Armenii i Rossii [Pan-Turkism: from the Ottoman Empire to the present day and the fate of Turkey, Armenia and Russia]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Pir-Budagova E.P. Istoriya Sirii. 20 vek [History of Syria in the 20th century]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Shlykov P. Blizhnevostochnaya politika Turtsii v kontekste «arabskoi vesny» [urkey's Middle East policy in the context of the “Arab Spring”] // Perspektivy. [Perspectives], 17.12.2012. URL: https://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaya_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (access date: 18.12.2012). (In Russ.)

Tocqueville A. Demokratiya v Amerike [Democracy in America]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton (N.J.), 1963.

Camau M., Geiser V. Le Syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba á Ben Ali. Paris, 2003.

Civil society and democracy in Latin America / eds R. Feinberg, C.H. Waisman, L. Zamosc. New York, 2006.

Civil society and government / eds N.L. Rosenblum, R.C. Post. Princeton, 2002.

Diamond L. Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // Journal of Democracy, 1994. Vol. 5. Iss. 3. P. 4–17.

Foley M.W., Edwards B. The Paradox of Civil Society // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. Iss. 3. P. 38–52.

Huntzinger J. Les printemps arabes et le religieux. La secularisation de l'islam. Paris, 2014.

Kepel J. Passion française. Paris, 2014.

Linz J.J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe. Baltimore, 1996.

Madani A. Azmat al'-fikr al'-khadis va mubarrirat al'-khal' al'-islamiy [The Crisis of Modern Thought and the Justification of the Islamic Solution]. Algeria, 1989. (In Arabic)

Mesbah M.C. Problématique Algérie. Le Soir d'Algérie. Alger, 2009.

Putnam R.D. Making democracy work: civic traditions in modern Italy. Princeton, 1993.

Raimbaud M. Tempête sur le Grand Moyen-Orient. Paris, 2015.

Shlykov P. Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.

Shlykov P. The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context: What is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–236.

Toepler S., Salamon L.M. NGO development in Central and Eastern Europe: An empirical overview // East European Quarterly. 2003. Vol. 37. Iss. 3. P. 365–378.

Woldring H.E.S. State and Civil Society in the Political Philosophy of Alexis de Tocqueville // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1998. Vol. 9. Iss. 4. P. 363–373.